

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Детективные романы
Татьяны Гармаш-Роффе:

Тайна моего отражения
Шантаж от Версаче
Частный визит в Париж
Голая королева
Шалости нечистой силы
Ведьма для инквизитора
Роль грешницы на бис
Вечная молодость с аукциона
Ангел-телохранитель
Королевский сорняк
Мертвые воды Московского моря
Е.Б.Ж.
13 способов ненавидеть
Уйти нельзя остаться
Расколотый мир
Ведь я еще жива
Черное кружево, алый закат
Ягоды страсти, ягоды смерти
Вторая путеводная звезда
Золотые нити судьбы
Властитель женских душ
Укрыться в облаках

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ
—
РОФФЕ

ГОЛАЯ КОРОЛЕВА

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 20

Оформление серии *С. Груздева*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г 20 **Голая королева : роман / Татьяна Гармаш-Роффе.** — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Высокое искусство детектива).

ISBN 978-5-699-56930-4

У известного издателя Александра Мурашова исчезает жена. Все говорит о том, что Алина сама ушла от мужа... Стоит ли ее искать? Стоит, и как можно скорее: Алина в плену у бывших друзей, решивших пожить за счет ее богатого супруга! Дилетанты, да; но от этого не менее опасные, они готовы на все ради денег. Только у Филиппа, ее бывшего любовника, другая цель — Алина должна целиком и полностью принадлежать ему...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Гармаш-Роффе Т. В., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-56930-4

Автор благодарит за консультации менеджера бутика Картье Елену Смолову и сотрудника банка Людмилу Глуховскую

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Есть люди, которые решают, и есть люди, к которым решения приходят. Я принадлежу явно к последним...»

Аля смотрела в экран телевизора, где весело смеялись какие-то люди. Она попыталась понять, чему они смеются, но так и не сумела.

Она устроилась перед телевизором, подобрав ноги под широкую юбку, в большом кожаном кресле. Рядом с ней на низком столике, как обычно, стояло блюдечко с шоколадным печеньем и чашка с холодным лимонным чаем.

...Решение пришло к ней само, внезапно, под этот глупый смех. Пришло неизвестно откуда, словно спустилось из воздуха, и стало внятным и слышным ее сознанию. Теперь она с недоумением оглядывала последние три года своей жизни: три года неясной скуки и невнятной тоски, три года странной рассредоточенности, словно ее душа была растащена и приворожена по углам этого большого дома, дома делового мужчины, в котором она так и не нашла себе места; три года без прошлого и без будущего, потому что прошлое она безжалостно перечеркнула, а будущее ей виделось как сквозь толщу воды — таким же смутным и гнетущим.

Так в принципе можно было жить, думала Аля, изо дня в день, всегда «сегодня». До тех пор, пока вдруг не поймешь, что и завтра будет так же. И что если ты ничего не изменишь в своей жизни, прямо сейчас, немедленно, то тебе придется жить так всю твою жизнь.

Всю! И вот тут ты отдаешь себе отчет, что не согласна. Вот тут к тебе приходит решение. И даже если тебе страшно, поделаться уже ничего нельзя. Решение дышит в затылок, решение требует выполнения, и у тебя в запасе нет никаких доводов, чтобы от него уклониться.

То есть, проще говоря, надо уходить от Саши.

Аля резко поднялась из кресла, будто желая прогнать нахлынувший на нее страх — перед будущим, перед неизвестностью; выстрелив пультом во все еще хохочущих людей, она сказала громко:

— Я хочу спать, Алекс...

«Алекс». Все его знакомые звали его так. А ей хотелось называть его Сашей, как зовут всех нормальных Александров. Но когда она впервые назвала его Сашей, он удивленно и недовольно приподнял брови. Ничего не сказал, это правда, но она поняла. И стала звать его, как все: Алекс.

— ...я пойду к себе, — добавила она.

Ей хотелось поскорее донести свое решение, не расплескав, до своей комнаты и там, оставшись наедине, обдумать его хорошенько. «Другие, нормальные люди, сначала думают, потом решают. У меня же все ровно наоборот: я сначала решаю — потом думаю...» — вздохнула она, направляясь к лестнице.

— Спокойной ночи, Лина. Я зайду тебя поцеловать. У меня столько работы...

«Как всегда», — подумала Аля.

Алекс отложил в сторону диапозитивы, которые рассматривал на свет, и обернулся.

— Послезавтра наша трехлетняя годовщина. Ты не забыла, дорогая?

«Дорогая», «дорогой». Так обращаются друг к другу в пьесах из западной жизни. Но ей надоело жить в пьесе.

— Не забыла, — произнесла она, держась за перила.

Аля вдруг поняла, почему к ней пришло решение: годовщина! Когда он две недели назад заговорил об этом, она впервые со всей ясностью ощутила, что ей не по силам этот юбилей, что справлять им нечего, что в их душах

так же пусто, как в этом огромном доме, где нет ни зверя (потому что у Алекса аллергия на животных), ни ребенка (потому что Алекс не хочет «пока»).

— Купи себе новое платье, хочешь? — Алекс снова завертел перед глазами слайд. — Знаешь, купи-ка себе сиреневое. Поищи завтра. С открытой спиной... Я прямо тебя вижу в нем... Оно так пойдет к твоим фиалковым глазам... А?

— Ты меня видишь в нем? Это нормально.

— ?

— Я его уже купила. И надевала на твой день рождения. И на прием на вернисаже американских авангардистов. И оно мне уже успело надоесть.

— Ах да, действительно! Извини, дорогая, так много работы...

— Не страшно. Я понимаю. Я куплю себе другое платье.

— Конечно-конечно, у тебя прекрасный вкус!

«Я его не просто не люблю. Я его ненавижу. Он у меня вызывает отвращение. Мне иногда хочется залепить ему пощечину, чтобы сбить с него эту маску вечного и вежливого благодущия, чтобы он растерялся, чтобы что-то нормальное, человеческое, естественное проступило наконец на этом холеном лице! И «Лина» — он по-прежнему зовет меня «Лина», как безоговорочно называл меня тогда, в первый день, когда я ему представилась: Алина. А я — Аля, как звала меня мама, мягко, нежно, домашне; как звали меня друзья... Впрочем, про друзей лучше не надо», — она отчего-то поежилась.

— Так спокойной ночи, Алекс.

Уходя, она оглянулась. Она увидела затылок мужа с короткими завитками волос, абрис его хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, и ее догнал его бархатный баритон:

— Спокойной ночи, дорогая!

«Почему я не могу любить его? — думала Аля, поднимаясь к себе в комнату, в свое убежище, полное света, цветов и пастельных тонов. — Что не так, что не срабаты-

вает? Он хорош собой, и многие женщины на него заглядываются. Он всегда внимателен, предупредителен, лютбезен. Он даже «секси»... — шагала Аля по ступенькам, рассеянно глядя на рисунок покрывающего их ковра. — Но все это какое-то ненастоящее. Как бы только дань моде, правилам приличия; имидж, роль. Меня он не любит и не любил никогда. Потому что у него вообще нет потребности любить, ему это просто не нужно. И дело не в возрасте — хоть разница у нас большая, но что такое сорок два года для мужчины? Ничего».

Был ли у него кто-то в прошлом, отучивший его любить? Любoвная драма, предательство, измена? Воображение Али принялось рисовать портрет таинственной роковой женщины, разбившей сердце юного Алекса... Но эзерсис удавался с трудом, ее воображение не справлялось с сюжетом любовной трагедии, где главную роль мог бы играть ее муж.

Что же тогда сделало его душевным импотентом и даже почти импотентом физическим? То есть не то чтобы импотентом, и даже, конечно, нет; но сексуальная сторона их жизни его так мало интересовала, что их физическую близость трудно было назвать иначе, как выполнением супружеского долга.

Разве я не привлекательна, спрашивала Аля у своего отражения в зеркале на туалетном столике спальни, разве я не хороша собой?

Отражение подтверждало, что хороша. Для полной убедительности Аля сняла очки — на нее из зеркала глянули большие серо-голубые глаза, которым немного расширенные черные зрачки действительно придавали легкий сиреневый оттенок. «Фиалковый», как говорил Алекс... Она сдула волнистую прядь светлых, немного пепельных волос со щеки, прядь взлетела, потом легла, послушно обняв нежный овал лица.

«Разве я не заслуживаю, чтобы меня любили? — искала поддержки у зеркала Аля. — Чтобы меня хотели? — Ее глаза начали наполняться слезами, и в их расплывчатом тумане она увидела, как у ее отражения покраснел нос,

отчего себя стало еще жальче. — И если ты не можешь, «дорогой», — зло передразнила она интонацию мужа, — то нам с тобой придется расстаться».

Аля, охваченная внезапным вдохновением, уже писала, и ручка ее летала по бумаге: «И, я надеюсь, ты сможешь меня понять. Мы друг друга не любим, так уж получилось. Это не наша вина, и не в нашей власти это изменить. Но согласись (она написала «дорогой» и зачеркнула), всю жизнь так продолжаться не может, и лучшее, что мы можем сделать, — это разойтись поскорее, дав друг другу свободу. И тем самым шанс быть счастливым: то есть любить и быть любимым...»

Какое-то время она сидела, уставившись невидящим взглядом на свое письмо, затем, глянув на часы — было почти половина одиннадцатого вечера, — спохватилась, вскочила, бросилась в соседнюю маленькую комнатку, служившую ей гардеробной, схватила приготовленный там заранее объемистый пакет и устремилась к дверям. Внезапно она вернулась, вырвала из склейки почтовой бумаги страницу с письмом и, сунув его в карман, вышла из комнаты.

Бесшумно спустившись по лестнице, она прошла незамеченной мимо раскрытой двери кабинета Алекса, пересекла гостиную, вышла в сад и растворилась в летней ночи, густой и пряминой.

Глава 2

...Теплую, уютную темноту ночи пронзило холодным стержнем звонка. Сон, отступая и клубясь, повис на нем, как белье в итальянском дворике.

Вскочив, Алексей раздраженно схватил со стола орущий телефон и направился обратно к постели, сунув мимходом свой нос в щель между плотными занавесями. Серая предрассветная невнятица, стывшая за окном, усилила чувство острой неприязни к тому, кто разрушил

интимный покой его сна. Телефон трясся и захлебывался в его руке. Выразив одним энергичным словом все, что он думал о своем неведомом абоненте, Алексей снял трубку:

— Алексей Кисанов слушает.

«А что же еще, — думал он, зарываясь с телефоном обратно в дышащую теплом постель, — не говорить же «Детективное агентство АКИС». Я вам, черт побери, ночью не агентство, я вам ночью просто спящий Кис, и все тут».

— Добрый вечер, — раздался в трубке глубокий баритон, — то есть, извините, наверное, доброе утро... Говорит Александр Мурашов. Я еще раз прошу вас извинить меня (он разбудил меня, чтобы извиняться? — раздраженно подумал Кис), я вас, наверное, разбудил (мне нравится это «наверное!»), но у меня неотложное дело... Я бы вас попросил взяться за него, и незамедлительно. Могли бы вы сейчас приехать ко мне?

Алексей знал по опыту, что бывают действительно дела «незамедлительные», хотя дела такого рода чаще всего касаются милиции, а не сысного агентства, но он знал также, что бывают дураки, паникеры и даже шутники. Впрочем, последнее исключалось: имя Александра Мурашова кое о чем ему говорило. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

— Вы мне не сказали, в чем, собственно, дело?

— Я не хотел бы говорить по телефону. Прошу вас, приезжайте.

— Послушайте, вы будите меня среди ночи и просите приехать к вам — то есть прощай сон окончательно и бесповоротно — и не хотите дать мне возможность самому судить о срочности вашего дела? В таком случае я не поеду.

— Я заплачу вам, хорошо заплачу.

— Конечно, заплатите, причем по двойному тарифу. Если я соглашусь.

— Заплачу, сколько скажете. Только приезжайте.

— Я повторяю свой вопрос. Мы теряем время.

— Хорошо. У меня украли жену.

— Украли?

— Ну, пропала. У меня пропала жена.

— Когда?

— Три с половиной часа назад.

— Послушайте...

— Я думаю, что ее украли.

— Обратитесь в милицию.

— Мне пока нечего сказать милиции. В таких случаях милиция, сами понимаете...

Кис помолчал. Что правда, то правда, милиция не станет искать совершеннолетнего человека, пропавшего три часа назад...

— А почему вы обратились именно ко мне? — все еще упрямылся Кис.

— Ваше агентство седьмое в справочнике и первое, которое мне ответило в такой поздний час... Я вас очень прошу, — тихо добавил Мурашов.

— Ладно... — проворчал детектив. — Диктуйте адрес.

«Детективное агентство АКИС» существовало в лице самого Алексея Кисанова, которого со времен его нежного детства друзья звали Кис (откуда и взялась аббревиатура АКИС), и его помощника Вани, симпатичного студента-прогульщика юридического факультета МГУ, у которого «хвостов» было больше, чем отметок в зачетке. Располагалось же это предприятие, столь торжественно названное «агентством», в добротном старом желтом доме на Смоленской, в трехкомнатной квартире самого Киса. Ваня жил в самой маленькой комнате его большой квартиры, доставшейся Кису по наследству, — таким образом Кис платил своему помощнику за не очень пыльную работу, которую поручал ему время от времени. В третьей же комнате и находилось само агентство: архивы, материалы, папки, компьютер...

После одного нашумевшего дела, которое Кис блестяще провел, его стали приглашать в «высшие сферы», и тогда же он решил собирать впрок всю доступную информацию об известных людях. Идея была плодотворной, и его картотека с тех пор уже не раз сослужила ему добрую

службу. Именно туда теперь и направился Кис, выпроставшись из теплой кровати и нашарив тапки. Включив свет, он быстро просмотрел все, что у него было на Александра Мурашова.

Выловленная информация была следующей: Александр Мурашов, сын известного военного дипломата, писателя и бывшего главного редактора издательства «Честь», которое тихо и благополучно просуществовало в течение всех советских лет, выпуская книги о славных советских разведчиках. Писатель, он же главный редактор, скончался несколько лет тому назад, увенчанный всеми возможными советскими и перестроечными лаврами, успев, однако, обеспечить своему сыну связи и карьеру.

Впрочем, карьера Александра была достаточно противоречивой. До того, как занять пост главного редактора, его отец выполнял дипломатическую миссию сначала в Германии, затем во Франции, и маленький Саша, проведя безоблачное детство за границей, по-русски говорил хуже, чем по-немецки и по-французски. Выйдя в отставку, отец Алекса занял пост главного редактора, а Мурашов-младший пошел учиться в престижную французскую спецшколу в центре Москвы, известную своими вольными и фривольными нравами, учась одновременно в художественной школе. Попав прямым ходом после школы в МГИМО, Мурашов не забыл свою тягу к искусству и, получив диплом, отправился, при содействии папочки, во Францию в Академию изящных искусств. Вернувшись оттуда через три года, он окончательно забросил столь престижный диплом МГИМО и стал рисовать иллюстрации к книгам, на чем сделал себе имя, весьма известное в художественных кругах. Просуществовав в качестве талантливого художника-иллюстратора лет десять, Александр Мурашов вспомнил в годы перестройки и о других своих талантах и знаниях и ныне возглавлял крупное издательство «Экслибрис», выпускающее дорогие и превосходно сделанные книги по искусству. Никаких особых сплетен в прессе на его счет не было, скандалов за ним не водилось, интервью он давал редко и дело-

вито, без шуток, пошлых хохм и подробностей из личной жизни.

Однако у Киса кое-какие подробности были.

После его успеха с нашумевшим делом Кис «пошел по рукам». К нему уже обращались не только как к детективу, но и приглашали в качестве экзотического гостя, на телекинотусовки. Кис охотно откликался, и не без умысла: пьяный застольный треп звезд всех экранов для него тоже служил источником информации, которую он бережно доносил в своей памяти до компьютера и заносил в хитроумно классифицированный Ванькой файл «Сплетни».

Насчет Мурашова сплетен было мало — он все же принадлежал к другому, хотя и близкому кругу. Однако однажды речь о нем зашла.

Разговор начал подвыпивший ведущий одной из популярных телеигр, в квартире у которого была тусовка. Он долго хвастался своими успехами и знакомствами, и Кис уже почти перестал слушать его треп, как вдруг навострил уши: кажется, пошли имена.

— ...И спонсоры у нас — люди солидные, — говорил заплетающимся языком его собеседник. — Де-е-е-нежные люди.

— Нежные? — переспросил Кис несколько ехидно.

— И нежные тоже... Обидеть их легко, — многозначительно откликнулся хозяин квартиры. — Хорошие люди, — он потянулся к Кису чокаться стаканом виски. — Директора банков, фирм строительных, нефтяных... Крупных фирм, слышь ты! Мишка Трофимов, Васек Щеглов, а? Тебе это кое о чем говорит, а?

И он начал сыпать именами, называя их уменьшительно, самых известных по величине состояния людей в Москве.

«Кажется, — подумал Кис, — у этого малого крыша совсем съехала от почтения к дензнакам, которые летали вокруг него». Хотя «малый» был и сам далеко не беден, ездил на «мерсе», жил в чудненькой квартирке на Чистых Прудах. «Квартирка» уходила за горизонт анфиладами комнат, в интимно-прокуренной бесконечности ко-

торых растворялись многочисленные гости. Болтливый хозяин похвастался, что прикупил соседнюю и из двух сделал одну.

— Давай за хороших людей, — чокнулся хозяин, расплескав виски. — Что бы мы без них делали в нашей жизни!

— Правильно, — сказал Кис, чтобы что-нибудь сказать. — Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

— Это ты в точку заметил. Надо только приписать к поговорке конец: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей, и тогда у тебя будет сто миллионов!»

Довольный своей шуткой, хозяин заржал.

— Тогда еще надо приписать: «...и тюрьма в перспективе», — мрачно заметил Кис, но без осуждения: его задачей было не читать мораль, а раскрутить хозяина на разговор — так, на всякий случай. Может, пригодится.

И пригодилось. Потому что как раз тут его собеседник заговорил о Мурашове:

— ...Ты думаешь, мафия? Мафия — оно конечно. У нас сейчас каждый, кто богат, — мафия. Такое, понимаешь, уравнение: деньги — равно мафия... Это все лохи, которые вовремя не подсутились, теперь так рассуждают. От зависти все это, друг мой детектив, у нас народ завистливый... А вот у меня в спонсорах есть люди вполне безупречные. Про издателя Мурашова слышал?

Кис тогда еще не слышал, но кивнул утвердительно.

— Он сам в люди вышел. Папочкины связи, правда, сильно помогли, но не воровал.

— Ага, сам не воровал. Только чужие деньги отмывал. Все они в издательствах денежки отмывают, — прикинувшись пьяным, провоцировал его Алексей в надежде услышать подробности.

— Не угадал, дружище. Ты, я понимаю, человек простой, дефектив, то есть — совок. И судишь как совок. Сам бы небось рад великим мира сего услужить, а хоть бы и денежки отмыть, да тебе не предлагают. Вот и воняешь, как все совки: мафия, воры, грязные деньги...

— Шас в морду дам, — произнес Кис.

Пьяный хозяин посмотрел на него внимательно зату- маненными глазами и понял: и вправду даст. Посему, на- прягая растекающиеся мозги, все же сменил тон:

— Ладно, не обижайся. Пошутил я.

Кис царственно кивнул, принимая извинения.

— Я ведь рассуждаю по-простому, — задушевно пояс- нил Кис, все еще надеясь услышать от собеседника что- нибудь интересное. — На издательство нужен капитал, так? А капитал откуда берется? Ну ты ж не будешь мне за- ливать, что он из советской зарплаты скопил деньги-то? То-то и оно. Деньги он получил большие и грязные, та- кой вот обмен услугами для взаимного удовольствия: мы тебе капиталец для твоего баловства, а ты нам — большую стирку, а то купюрки наши что-то пахнут плохо, подва- нивают... А ты мне тут пытаешься впаять, что Мурашов твой — не мафия! Честнейший человек, да? Оттого ты за него так обиделся?

— А вот попал ты, детектив, пальцем в ж... В его изда- тельство какая-то западная фирма деньги вложила, ради искусства — ты чего в искусстве понимаешь? Ни бум- бум? Ну и не возникай тогда.

— Мне-то что, я не возникаю. А вот рэкетеры, должно быть, в искусстве понимают. Пришли, глядят — искусст- во! — и зарыдали от умиления, сопли по щекам размазали и домой пошли восвояси, приговаривая просветленно: какой Мурашов человек хороший да какой художник та- лантливый! Не будем обижать его, ведь это человек ис- кусства!

— Зря ехидничаешь, между прочим. За «крышу» он, конечно, платит, без этого нынче никак нельзя, а вот «грязные» через него не идут...

— Ага. И он до сих пор жив.

— Эксель-моксель, да ты ж не понимаешь ничего в этих делах! Чего ты лезешь, знатока из себя строишь! Что ты про мафию знаешь? Ты в детективы откуда подался? Из ментов небось?

Кис кивнул утвердительно.

— А туда же, судить-пересудить. Это ж не сопляки-